

На правах рукописи

ОМОРИ МАСАКО

**Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»
в контексте религиозно-философских идей
В.С.Соловьева и П.А.Флоренского**

Специальность 10.01.01 – «Русская литература»

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

大森 雅子

Москва – 2006

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор Магомедова Дина Махмудовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Славина Валентина Александровна

кандидат филологических наук Колышева Елена Юрьевна

Ведущая организация:

Коломенский государственный педагогический институт

Защита состоится «26» октября 2006 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.04 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан «20» сентября 2006 года

Ученый секретарь

диссертационного совета,
кандидат филологических наук

 В.Я. Малкина

2006 А
20057

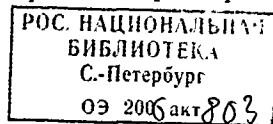
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В современном булгаковедении никто из исследователей не подвергает сомнению оправданность анализа влияния русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. на роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В последние годы она рассматривается как один из источников формирования идейной канвы романа Булгакова¹. Однако в большинстве работ не дается полного анализа философских текстов, а лишь бегло отмечается сходство между идеями философов и писателя. При этом исследований, специально посвященных сопоставлению конкретных трудов таких выдающихся русских религиозных философов, как В.С. Соловьев и П.А. Флоренский, и романа Булгакова, почти не существует. Это определяет актуальность диссертации, ставящей перед собой задачу анализа рецепции идейного наследия русской религиозной философии в творчестве Булгакова.

В воспоминаниях о Булгакове встречаются имена В. Соловьева и П. Флоренского. По словам сестры Булгакова Н. Земской, в семье велись споры о Соловьеве. И действительно, в семейной библиотеке Булгаковых было два тома из собрания сочинений этого философа. Е. Булгакова вспоминала, что книга «Мнимости в геометрии» Флоренского тщательно берегалась и не раз прочитывалась писателем в годы работы над романом «Мастер и Маргарита». В этой книге сохранились пометы и подчеркивания, принадлежащие Булгакову. Такие факты говорят о необходимости сопоставительного анализа его романа и работ этих философов.

Научная новизна исследования. В диссертационном исследовании впервые рассматриваются конкретные текстуальные переключки

¹ Например: Абрагам П. Роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Втно, 1993; Соловьев Б. Булгаковская энциклопедия. М., 1996; Колесникова Ж. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001; Урюпин И. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: мотивы головы и сердца в контексте традиций русского религиозно-философского Ренессанса: Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004.

между романом «Мастер и Маргарита» и трудами В. Соловьева. Анализируются трактаты «Смысл любви» и «Жизненная драма Платона» с целью философского осмысления роли любви между героями в сюжетной линии романа Булгакова. Проводится также сопоставление с трактатом «Три разговора» в связи с проблемой генезиса образа Воланда, проблемой «добра и зла» и мотивами Апокалипсиса. Сопоставление текста романа с работами «Мнимости в геометрии», «Столп и утверждение Истины» и «Иконостас» позволяет осознать, как писатель воплощает философские идеи П. Флоренского в структуре своего романа. Кроме того, впервые рассматривается восприятие (т.е. история перевода и исследования) творчества Булгакова в Японии.

Предмет и объект исследования. Предметом исследования является последний роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором наиболее полно воплощается его мировоззрение. Объект исследования – сюжет, композиция, философская проблематика, мотивы и образы романа Булгакова в контексте идей, изложенных в трудах В. Соловьева и П. Флоренского.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации – определить особенности мировоззрения Булгакова, отраженного в его «закатном» романе. Эта проблема рассматривается как в литературном, так и в биографическом аспекте, в связи с чем ставятся следующие задачи:

- 1) установление конкретных философских текстов, которые могли быть важны для Булгакова в период работы над романом. Здесь мы опираемся, прежде всего, на существующие описания материалов библиотеки Булгакова, упоминания о тех или иных книгах в его высказываниях, а также в мемуарных свидетельствах;
- 2) сопоставительный анализ сюжетных, мотивных и идеологических переключек между текстом М. Булгакова и избранными философскими трудами В. Соловьева и П. Флоренского;

3) определение места романа «Мастер и Маргарита» в контексте русской религиозной философии.

Источниками исследования являются, в первую очередь, роман Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928–1940) и его черновые варианты, а также воспоминания о писателе. Для сравнительного анализа привлекаются философские трактаты Соловьева «Смысл любви» (1892–1894), «Жизненная драма Платона» (1898) и «Три разговора» (1899–1900), а также экземпляр брошюры Флоренского «Мнимости в геометрии» (1922), хранящийся в архиве Булгакова (ОР РГБ. Ф. 562), в котором имеются пометки писателя. Кроме того, для более полного понимания мировоззрения Флоренского используются его работы «Столп и утверждение Истины» (1914) и «Иконостас» (1922), имеющие идейные переклички с романом «Мастер и Маргарита».

Методологическая база исследования. Методологической базой послужили работы, в которых рассматривается связь между художественным текстом писателя и философскими трудами выдающихся русских мыслителей. Из исследований, посвященных отношению Булгакова к идеям Соловьева, необходимо упомянуть, прежде всего, статьи Г. Черниковой, А. Зеркалова и И. Галинской², содержащие ценные наблюдения о влиянии философа на писателя. Среди работ о Булгакове и Флоренском особенно важна книга П. Абрагама, в которой впервые конкретно рассматривается воплощение космологии Флоренского в романе «Мастер и Маргарита».

Методологические принципы исследования. Для решения поставленной задачи наиболее целесообразными представляются историко-

---

² Черникова Г. О некоторых особенностях философской проблематики романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Analele Universitatii Din Timisoara*. Timisoara, 1971. X. С. 213–229. (Seria Stiinte Filologice); Зеркалов А. Лежащий во зле мир... // *Знание – сила*. 1991. № 5. С. 34–41, 92; Галинская И. Криптография романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова // Галинская И. Загадки известных книг. М., 1986. С. 65–125.

генетический, литературоведческий и герменевтический подходы. Со- поставительный анализ романа Булгакова и избранных философских трудов Соловьева и Флоренского также позволяет показать разработку писателем философских идей в романе.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Роман «Мастер и Маргарита» создавался под воздействием религиозно-философских идей В.С. Соловьева и П.А. Флоренского.
- 2) В истории любви героев «Мастера и Маргариты» находят отражение идеи трактатов Соловьева «Смысл любви» и «Жизненная драма Платона», но вместе с тем между писателем и философом есть некоторые полемические расхождения, связанные с особенностями мировоззрения Булгакова.
- 3) Для изучения образа Воланда, проблемы «добра и зла» и мотивов Апокалипсиса в романе важны философские трактаты Соловьева «Жизненная драма Платона» и «Три разговора».
- 4) Работа Флоренского «Мнимости в геометрии» определяется как один из возможных идейно-композиционных источников романа Булгакова. Писатель мог применить теорию Флоренского о двойном пространстве мира к композиции романа, а теорию тройного космического пространства – к сюжетной линии судьбы Мастера, Маргариты и Пилата.

Научно-практическая значимость результатов исследования. Результаты исследования могут быть применены при составлении научных комментариев к роману «Мастер и Маргарита» и использованы в общих и специальных курсах, а также в учебных пособиях по истории русской литературы XX века.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры истории русской литературы РГГУ, а также на аспирантском семинаре. Содержание диссер-

тации было отражено и в докладе на международной научной конференции «Михаил Булгаков и литературный мир 1920–30-х гг.» (Таллинн, 12–15 мая, 2006 г.)

По теме диссертации опубликованы три статьи.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. В приложении приводится обложка книги Флоренского «Мнимости в геометрии», которая содержит иллюстрацию, прокомментированную в работе.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении очерчивается круг проблем, рассматриваемых в диссертации, определяются актуальность и новизна темы, кратко характеризуется степень ее изученности, и формулируются решаемые в работе задачи.

В первой главе – *«История исследования романа “Мастер и Маргарита” с точки зрения русской религиозной философии»* – в центре внимания находится история исследования романа Булгакова в Японии, а также в России и в западных странах. Глава состоит из трех разделов, в которых рассматривается восприятие Булгакова в Японии, и анализируются различные российские и западные исследования о влиянии русской религиозной философии на роман Булгакова. При постановке этой проблемы оговаривается возможность ограничиться при изучении особенностей мировоззрения Булгакова идеями таких русских религиозных мыслителей, как Соловьев и Флоренский.

В первом разделе главы представлена история переводов и исследований творчества писателя в Японии. Булгаков достаточно рано привлек к себе внимание японских читателей. Еще в 1932 г. была переведена повесть «Роковые яйца». Спектакль по пьесе «Мертвые души» поставлен в токийском театре «Хайюдза» в 1956 г. Кроме того, уже переведены на японский язык пьесы Булгакова – «Бег», «Дни Турбиных», «Кабала святош» и «Иван Васильевич», – а также почти вся его проза (в том числе, «Театральный

роман», «Белая гвардия» и ранние рассказы). Роман «Мастер и Маргарита» переводили трижды, в 1969, 1977 и 2000 гг. (первый вариант назвали «Дьявол и Маргарита»). Имеется два варианта перевода «Дьяволиады». Повесть «Собачье сердце» переведена в 1971 г., т.е. когда еще была запрещена к публикации в Советском Союзе. Существует перевод исследования В. Сахарова «Михаил Булгаков. Писатель и власть».

История рецепции творчества Булгакова в Японии началась в 1980-е гг., и до сих пор в Японии публикуется немало работ о писателе. В данной главе рассматриваются некоторые наиболее интересные статьи о таких произведениях, как «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Кабала святош» и «Дьяволиада». Однако японские исследователи русской литературы уделяют мало внимания русской религиозной мысли.

Работы, посвященные роли русской религиозной философии в романе Булгакова, также рассматриваются в этой главе. Булгаковеды называют ряд имен русских религиозных философов, которые, по мнению исследователей, оказали определенное влияние на писателя: Г.С. Сковорода (И. Галинская), Ф.М. Достоевский (Г. Черникова, А. Эрастова), Л.Н. Толстой (Г. Эльбаум, Г. Уильямс), В.С. Соловьев (Г. Черникова, И. Галинская, А. Зеркалов), С.Н. Булгаков (Б. Соколов), П.А. Флоренский (Г. Круговой, Б. Бити и П. Пауэлл, Ж. Катис, А. Кораблев, П. Абрагам и Б. Соколов), Н.А. Бердяев (Г. Черникова, Б. Соколов, Ж. Колесникова), Л.И. Шестов (М. Гленни, Б. Соколов). Среди этих философов самым малоизученным с точки зрения влияния на роман Булгакова является Соловьев, а наибольшее внимание исследователей привлекает Флоренский.

Вторая глава – «*М.А. Булгаков и В.С. Соловьев*» – посвящена исследованию отношений между Булгаковым и Соловьевым и рассмотрению работ Соловьева в качестве одного из источников романа «Мастер и Маргарита». При сопоставлении романа с трудами Соловьева рассматриваются

такие трактаты философа, как «Смысл любви», «Жизненная драма Платона» и «Три разговора». Глава состоит из пяти разделов.

Существует немало свидетельств о точках соприкосновения Булгакова и Соловьева в биографическом плане: отец Булгакова был знаком с В.В. Зеньковским по их совместной работе в религиозно-философском обществе имени Владимира Соловьева. В воспоминаниях о Булгакове сестра писателя Н. Земская вспоминает круг чтения семьи и среди многих других указывает на имя В. Соловьева. Как бы подтверждая свидетельство Н. Земской, в семейной библиотеке Булгаковых обнаруживаются два тома из собрания сочинений Соловьева: седьмой – «Оправдание добра. Нравственная философия» (СПб.: Обществ. Польза, 1894–1897) и десятый – «Три разговора» и статьи из энциклопедического словаря (2-ое изд. СПб.: Просвещение, 1914). Интерес Булгакова к Соловьеву подтверждают также исследователи, как И. Галинская и А. Зеркалов.

В главе рассматривается история любви Мастера и Маргариты с точки зрения идей Соловьева, высказанных в трактатах «Смысл любви» и «Жизненная драма Платона». Правда, в семейной библиотеке Булгаковых этих трактатов не было, однако в десятом томе собрания сочинений Соловьева, который имелся у Булгаковых, есть статья о «любви» из энциклопедического словаря, где описывается смысл половой любви, изложенный и в самом трактате «Смысл любви». Кроме того, среди сочинений Соловьева именно «Смысл любви», «Жизненная драма Платона» и «Три разговора» принадлежат к числу наиболее популярных работ, оказавших влияние на литературный мир символистов, и Булгаков, их современник, вряд ли не знал этих работ.

История любви Мастера и Маргариты во многом перекликается с представлениями Соловьева, высказанными в «Смысле любви». Философ пишет о несоответствии между силой индивидуальной любви и значением потомства и об отрицании внешнего соединения, житейского и в особен-

ности чисто физиологического, которое не имеет определенного отношения к любви. В романе сильная любовь между Мастером и Маргаритой не приводит к рождению детей и браку. Что касается физиологического союза, в романе никакого описания он не получил, хотя Маргарита, требующая вернуть ей ее «побовника Мастера», на это намекает. В русле идей «Смысла любви» Булгаков, видимо, считал чисто духовную любовь, лишённую чувственного начала, бессцельной.

Булгаков сравнивает любовь со светом («молнией»). В трактате Соловьева рассматривается любовный свет, который признается «началом видимого восстановления образа Божия». В романе можно видеть взаимную любовь героев как «начало восстановления образа Божия». Встреча героев описана так, будто она была не случайной. Как и в «Смысле любви» Соловьева, в романе Булгакова Мастер и «его тайная жена» изображаются словно соединёнными в цельное человеческое существо («созданы они друг для друга навек»), что отражает романтическую интерпретацию идей неоплатонизма. Однако в романе «Мастер и Маргарита» ничего не говорится о воплощении образа Божия в человеке, но он воплощен в романе об Иешуа, который пишет Мастер под воздействием встречи с Маргаритой. Ее слова о том, что «в этом романе ее жизнь» объясняются тем, что в романе об Иешуа воплощен, по Соловьеву, «дар светлой и творческой любви» между героями, которая приведет к бессмертию. Отсюда и слова Воланда о том, что «рукописи не горят», и восстановление романа.

Определенные переклички с идеями трактата «Смысл любви» можно усмотреть и в готовности Маргариты к абсолютному самопожертвованию для спасения Мастера. Речь идет о важнейшей для Соловьева мысли о том, что «смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма». Но если Соловьев подразумевает под спасением индивидуальности всеединство, то Булгаков считает взаимную любовь героев чисто индивидуальной, в ней нет никакого всемирного объ-

единения. В этом и есть расхождение между Соловьевым и Булгаковым: в финале романа Мастер и Маргарита покидают здешний мир, а эпилог изображает жизнь в Москве, продолжающуюся, как прежде.

Мотив «всеединства» Булгаков использует пародийно в сцене бала у сатаны. Философ считал, что не только живущие на земле, но даже умершие не исключены из всеединства благодаря человеческой нравственности. В романе же Булгакова бал у сатаны с участием умерших из разных времен и стран используется для того, чтобы пародировать всеединство.

Активность героини романа для спасения Мастера переключается с тем, что писал Соловьев в «Смысле любви»: «Истинное назначение любви состоит не в простом испытывании этого чувства, а в том, что посредством него совершается, — в деле любви. (...) нужно действительно дать или сообщить ему (—любимому предмету) это значение, соединиться с ним в действительном создании абсолютной индивидуальности». Философ также считает Вечную Женственность активной: «К такой же реализации и воплощению стремится и сама вечная Женственность, которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всею полнотою сил и действий». В этом смысле можно видеть в образе Маргариты воплощение Вечной Женственности.

Героям романа дарится «спокойное» будущее: «вечный дом», т.е. бессмертие. Здесь опять есть переключка с идеей Соловьева о том, что любовь может достигнуть бессмертия. Но Соловьев не рисует конкретных путей его достижения. Со своей стороны, Булгаков интерпретирует достижение бессмертия как награду за жизнь, связанную с любовью. При этом к судьбе любовников равнодушны и небесный Иешуа, и дьявол. В этом смысле, хотя в романе Булгакова отсутствует описание всемирного объединения, любовь между Мастером и Маргаритой все же оказывается не совсем индивидуальным «делом», используя слово В. Соловьева. Соловьев пишет об Эросе в другом трактате «Жизненная драма Платона»: «И ад, и

земля, и небо с особым участием следят за человеком в ту роковую пору, когда вселяется в него Эрос». В романе Булгакова за любовь героев также следят Иешуа и дьявол Воланд. Она имеет отношение к обоим мировым первоначалам. Этим объясняется первая встреча героев с возникновением сильного чувства любви. Любовь героев оказывается двойственной и сравнивается и со светом, и с убийством (с «финским ножом»). И в связи с этим форма их любви, рассмотренная в этой главе, является тем синтезом низших (плотских) и высших (духовных) сторон, который, по Соловьеву, приводит к бессмертию.

В главе также рассматриваются образ Воланда, проблема «добра и зла», спор о «добром человеке», понятие «смерти» и мотивы Апокалипсиса в контексте идей «Трех разговоров».

Возможно, одним из прототипов Воланда и его свиты является маг Аполлоний из «Краткой повести об Антихристе». Аполлония зовут «великим магом» «кардинал-императорским канцлером», Воланд же в первой редакции романа назывался «магом», а в третьей редакции появилось еще одно название – «Великий канцлер». Вместе с тем Воланд одновременно напоминает императора-Антихриста у Соловьева: в «Краткой повести об Антихристе» в собор «вошел император с великим магистром и свитой»; в романе кроме Воланда Коровьев, Азazelло, Бегемот называются «свитой». Кроме того, театральность сеанса Воланда вызывает ассоциацию с вселенским собором в «Краткой повести об Антихристе». И в соборе, и на сеансе Воланда оркестр играет марш.

Из сравнения образов Антихриста и Воланда можно сделать вывод, что они соотносятся по зеркальному принципу: в отличие от Антихриста, являющегося в облике обычного человека, враждебного истинному Христу и выдающего себя за Бога, Воланд твердо говорит о существовании Христа. При этом дьявол поначалу выдает себя за обычного человека.

Для Булгакова проблема «добра и зла» была актуальной, как и для Соловьева. Однако между их пониманием этой проблемы существует различие: в романе Булгакова нет борьбы между добром и злом, о которой пишет Соловьев в «Трех разговорах». В романе описывается то взаимодействие и нераздельность зла и добра, которое чуждо идеям трактата. Однако если рассматривать «добро и зло» как «свет и тьму», то можно усмотреть сходное отношение к этому в другом трактате Соловьева «Жизненная драма Платона». Философ цитирует последние строфы «Свет из тьмы!» из собственного стихотворения о взаимодействии этих начал. Возможно, Булгаков знал это стихотворение и использовал эстетическую идею Соловьева в качестве мотива. При этом у Булгакова тьма олицетворяется, став Воландом, теряет значение абсолютного зла и взаимодействует с образом света, т.е. Иешуа. Будучи внимательным читателем Соловьева, Булгаков заметил эволюцию мировоззрения философа и рассмотрел проблему «добра и зла» в романе в свете развития его идей. Писатель изобразил дьявола реально существующим, как в «Трех разговорах», но не согласился с идеей философа о борьбе между добром и злом, приближаясь, таким образом, к позициям «Жизненной драмы Платона».

Можно указать на определенное сходство диалогов о добром человеке между Иешуа и Пилатом и между Князем и Господином Z в «Трех разговорах». Мнение Иешуа о том, что все люди добрые, противопоставляется образу мыслей Пилата. В трактате же «Три разговора» Князь, последователь Л. Толстого, считает, что всякий разбойник может оказаться добрым, спорит с Господином Z, относящимся к этому мнению скептически. Однако в отличие от Соловьева, считающего, что Князь стоит на позиции Антихриста, Булгаков сосредоточился на создании образа Иешуа как абсолютного идеала. Иешуа является носителем положительного авторского начала, как «другой» князь Мышкин у Достоевского или Христос в «Легенде о Великом Инквизиторе». Влияние Достоевского на сцену разговора

между Иешуа и Пилатом в романе «Мастер и Маргарита» рассматривается с точки зрения равноправного диалога. Не случайно в романе тема «доброто человека» развивается в виде диалога между Иешуа и Пилатом. Такая же структура наблюдается в «Трех разговорах», где Соловьев сам признает относительную правоту почти всех героев, за исключением Князя. В свою очередь, Булгаков вслед за Достоевским создает равноправный диалог между Иешуа и Пилатом.

И у Булгакова, и у Соловьева чрезвычайно важна проблема победы над смертью. По мнению философа, жизнь человека и человечества в целом остается бессмысленной до тех пор, пока не будет побеждена смерть, являющаяся «крайним злом». В самом начале романа Булгакова идет речь о смерти человека. Воланд в споре с Берлиозом иронически указывает на бессмысленность идеи управления человеком своей жизнью. В то же время, есть различия в понимании писателями смерти: Соловьев считает ее «крайним злом», которое надо уничтожать, а Булгаков изображает ее мнимым явлением. В романе жизнь героев как бы продолжается даже после их смерти. Значение и роль мотива смерти в «Мастере и Маргарите» анализируются в третьей главе.

Можно найти жанровое и структурное сходство между трактатом Соловьева и романом Булгакова. Соловьев комментирует устами Господина Z стихотворную балладу А.К. Толстого «Великодушие смягчает сердца» о добросердечном камергере Деларю, говоря, что «фарс в смешанных и дико карикатурных чертах затронувший подпочвенную глубину нравственного вопроса, сохранит всю свою художественную и философскую правду». Это высказывание соответствует особенностям поэтики романа Булгакова. В то же время роман состоит и из «серьезных» ершалаимских глав, что отвечает излюбленным приемам Соловьева. Не случайно, что ершалаимские «серьезные» главы оказываются рукописью Мастера, а на-

чинает рассказывать их содержание Воланд, тогда как у Соловьева читает рукописи монаха «Краткой повести об Антихристе» Господин Z.

Выбор и разработка Булгаковым этого материала объясняются тем, что он заимствовал у Соловьева тему конца истории и изобразил Воланда и его свиту как те приметы этого события, которые имеют большое значение в «Трех разговорах». Как известно, в «Мастере и Маргарите» действие происходит на Страстной неделе, и, как в «Краткой повести об Антихристе», к концу романа описываются гроза, огонь и молния, которые можно было бы интерпретировать как апокалипсические явления. Но на самом деле в романе конца истории не происходит. Булгаков, используя мотивы Апокалипсиса, описывает не конец истории в целом, а конец индивидуальной жизни героев (квазиапокалипсис), из чего можно определить его отношение к «соловьёвской» теме как притяжение-отталкивание.

В третьей главе – «*М.А. Булгаков и П.А. Флоренский*» – исследуется влияние философии Флоренского на композиционно-идейное содержание романа Булгакова. Глава состоит из трех разделов, где рассматривается причина интереса Булгакова к «Мнимостям в геометрии» Флоренского в контексте русской литературы 1920-х гг. и дается новая трактовка воплощения идей Флоренского в романе «Мастер и Маргарита».

Булгаков читал «Мнимости в геометрии» не целиком. Он перечитывал только девятую главу, где описывается путь Данте в космосе. Известно, что девятая глава специально написана Флоренским к 600-летию смерти Данте. Поэтому, когда в 1922 году вышла книга «Мнимости в геометрии», наверняка велась дискуссия об этом, особенно в кругу литературного общения Булгакова (среди его знакомых можно называть А. Белого и Е. Замятина³). Кроме того, у Булгакова и Флоренского как у современников

³ Силард Л. Андрей Белый и П. Флоренский. (Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством) // *Studia Slavica Hung.* Вып. 33 (1–4). Budapest, 1987. С. 237–238.

оказывается достаточно точек соприкосновения: оба они были против позитивизма и материализма того времени и симпатизировали символистскому пониманию двоemiрия, отражающемуся и в «Мнимостях в геометрии», и в «Мастере и Маргарите». Кроме того, у них были общие истоки: Данте, принцип относительности Эйнштейна и космическое пространство.

Если Булгаков и не читал первую половину книги Флоренского о математическом доказательстве теории двойного пространства, то подчеркнул те места, в которых философ излагает во второй части положения Птолемеевой системы и определения трех сфер в космическом пространстве ($v < c$ – Земля, $v = c$ – граница Земли и Неба, $v > c$ – Небо; v означает скорость движения тела, c – скорость света), а места о конкретной области космоса, Платоне и современности «Божественной Комедии» отметил восклицательными знаками. Выдвигается гипотеза, что источником визуального представления писателя о теории двойного пространства, примененной к композиции романа, является обложка книги Флоренского, а теория о тройном космическом пространстве представляется Булгаковым как описание пути Данте, связанное с судьбой поэта, и применяется к сюжетной линии героев.

В отношении двойного пространства утверждается, что московские главы соответствует действительной стороне, а ершалаимские – мнимой, поскольку Мастер «угадывает» историю о Понтии Пилате. Именно о мнимой стороне, которую, как объясняет Флоренский в «Пояснении к обложке», можно узнать «отвлеченно-зрительным» способом. Такое использование Булгаковым идей философа подтверждается тем, что Воланд, лично присутствуя у Пилата, функционирует так же, как прорывы между двумя сторонами с гравюры на обложке книги Флоренского.

Полемизируя с мнением П. Абрагама о том, что Ершалаим находится в небесной сфере, мы представляем новую трактовку воплощения Булгаковым тройного пространства космологии в сюжетной линии романа. При

этом анализируются хронотопы наиболее важных сцен романа, и показывается, что Москва – это действительная сфера, $v < c$; великий бал у сатаны и место, где находится Пилат на протяжении около двух тысяч лет, – на границе Земли и Неба, $v = c$; вечный приют и пространство, где в конце эпилога происходит разговор между Иешуа и Пилатом во сне Ивана, – $v > c$.

Как отмечает П. Абрагам, великий бал у сатаны действительно находится на $v = c$, куда летела Маргарита «с чудовищной скоростью» и где, по описанию Флоренского, имеются нулевое время и пространство. Кроме того, волшебный глобус, на который перед балом смотрит Маргарита, символически показывает ее взгляд извне Земли. В сцене бала описывается также статуя Нептуна. В «Мнимостях в геометрии» Флоренский пишет, что $v = c$ находится «между орбитами Урана и Нептуна». Писатель как бы играет со словом «Нептун», имеющим два смысла: статуя римского бога и планета.

В главе рассматривается функция великого бала в сюжете. Сцена «Великий бал у сатаны» вызывает у читателя ассоциацию с адом, только не страшным, а пародийным. Некоторые исследователи отмечают, что этот эпизод имеет общие черты со средневековым апокрифом о Богородице, сошедшей в ад для спасения страдающих грешников. В аду, как он представлен и в романе и в легенде, грешников наказывают не навечно, у них есть возможность освободиться от своих грехов и спастись. В теологии существует теория всеобщего спасения – «апокатастасиса», созданная Оригеном. Это понятие возродилось в конце XIX и в XX веке, особенно в философии Н. Федорова, В. Соловьева, П. Флоренского и пр. Булгаков изображает бал сатаны как ад согласно теории апокатастасиса. На балу грешную Фриду прощают и спасают. Значит, бал в романе может оказаться процессом очищения от грехов, переходом к Небу, но и своего рода пародией на Страшный Суд.

Это относится и к Маргарите. Потеряв Мастера, Маргарита считает себя грешной и при приглашении на бал понимает, что она будет наказана. На балу героиня также страдает от боли в руке и ноге, которую постоянно целуют грешники, но оживает под «кровавым душем», который, по христианскому представлению, означает очищение от грехов. Таким образом, Маргарита освобождается от своих грехов, страдая как бы от адских мук, и наконец спасается. Ее страдание сменяется радостью, потому что она смогла увидеть Мастера и получить рукопись.

В то же время в этом «аду» Берлиоз приговаривается к вечной смерти, уходит в небытие. В «Мнимостях в геометрии» Флоренский представляет себе переходную зону, $v=c$, где сосуществуют две противоположные элементы Земли и Неба. Более того, философ четко пишет об антиномичности спасения, апокатастасисе в «Столпе и утверждении истины»: «Тезис – невозможна невозможность всеобщего спасения, и антитезис – возможна невозможность всеобщего спасения – явно антиномичны». Ад в «Мастере и Маргарите» функционирует так, как представлял Флоренский: в аду возможно спасение и одновременно не-спасение, по-булгаковски небытие. Показательно, что Воланд говорит Берлиозу: «все теории стоят одна другой».

Но в то же время бал сатаны – это ад только для Маргариты и Фриды. В отличие от Маргариты, Мастер еще не спасен в том смысле, что он не очищается в аду. Это происходит с ним в другой переходной зоне.

Чтобы определить местонахождение ада Мастера как переходную зону, рассматривается один важный момент, связанный с ним, – сцена освобождения Пилата. В последней главе романа Мастер и Маргарита заходят на «каменистую безрадостную плоскую вершину», где Пилат страдает от своей вины в течение 2000 лет. В этой сцене, по мнению некоторых исследователей, отражается «Сошествие Иисуса во ад», апокрифическая легенда, особенно важная в православии. Кроме того, она часто изображает-

ся на иконах «Сошествие во ад. Воскресение Христово». С этой иконой перекликается эпизод освобождения Пилата. В «Мастере и Маргарите» в субботу Мастер, как Христос, спускается в ад, где находится Пилат, и освобождает его. Возглас Мастера «Свободен! Свободен! Он ждет тебя!» спасает Пилата, ждавшего в аду, точно так же, как на иконе Христос разбивает врата ада и спасает праведных праотцов. В свою очередь лунная дорога символизирует свет, излучаемый Христом на иконе, и означает рассвет предстоящей Пасхи. Таким образом, перед Пасхой Пилат освобождается и очищается от вины для вступления в небесное пространство, где его ждет Иешуа.

Однако это ад не только для Пилата. Очевидно, как на балу спасается не только Фрида, но и Маргарита, проявившая к ней милосердие, так и в этом аду Пилата спасается также и Мастер, спустившийся туда. В этой сцене Воланд намекает на функциональное сходство со сценой бала у сатаны: «Повторяется история с Фридой?».

Мастер тоже был грешен. Из-за преследований он прекратил поиски истины и возненавидел свой роман о Пилате. Но в аду Пилата после освобождения своего героя «кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя». Таким образом, мастер, с уже прощенной Маргаритой, проходя через этот ад, готов вступить в $v > c$.

Для подтверждения воплощения сферы ада (т.е. $v=c$) показывается, что в этой сцене наблюдаются хронотоп сферы $v=c$. Во-первых, Булгаков точно изображает «нулевое время». Сопоставление двух текстов – главы 32, т.е. изображения ада Пилата, и последних ершалаимских глав 25–26 – позволяет понять, что несмотря на прошествие 2000 лет описание местоположения Пилата одинаковое: в обеих сценах остались красная лужа вина и осколки кувшина, и рядом с Пилатом лежит собака. Во-вторых, Булгаков поместил Пилатов ад не в земном плане. В последней главе романа герой, как пишет Флоренский в «Мнимостях в геометрии», «разрывая время» и

пространство, улетают в ад Пилата. Наконец, Булгаков описывает это место согласно концепции Флоренского об «антиномичности». Вокруг него появляются два земных пространства, т.е. Ершалаим прошедшего времени и Москва настоящего времени. Но в то же время Пилат поднимается по лунной дороге к небесному пространству.

В отношении использования космологии Флоренского в сюжетной линии романа смерть героев определяется как переход из одной сферы в другую. Как утверждалось во второй главе диссертации, в романе Булгакова смерть является мнимой, и после нее продолжается загробная жизнь героев. Смерть Мастера и Маргариты рассматривается с точки зрения теории Флоренского. Она происходит на границах между сферами. Герои должны умереть для того, чтобы совсем уйти и из действительной, и из действительно-мнимой сферы, чтобы перейти в мнимое пространство – «вечный дом». Поэтому в романе Мастер и Маргарита переживают двойную смерть. Смерть обретает символическое значение отрыва от земной жизни и одновременно ее продолжения. В отличие от Соловьева, считавшего смерть физическим злом, Булгаков, используя космологию Флоренского в сюжете романа, придает смерти положительное значение как необходимого условия для перехода в другой мир.

В отношении сферы $v > c$, т.е. небесного пространства, анализируется хронотоп в конце романа – описание «вечного дома» и одна сцена в эпилоге. Переходя через $v = c$, Мастер и Маргарита попадают в вечный приют, где остановка времени прерывается, и появляется новая сфера $v > c$. Мастер и Маргарита пришли в $v > c$ в воскресенье, на Пасху. В этот день им обещана вечная жизнь, за которую на земле надо заплатить смертью. Воскресение – это явление обратной причинности, которое не происходит в земном пространстве, по словам Флоренского, «при $v > c$ время протекает в обратном смысле, так что следствие предшествует причине». Этот дом для любовников представляется как платоновская идея, по Флоренскому – $v > c$.

Нужно отметить, что вечному приюту противопоставляется московская комната («подвальный приют»), т.е. земное временное явление. Она была для Мастера приютом, но после критики его романа превратилась в место гибели и сгорела во время ухода героя из Москвы. В отличие от Флоренского, определяющего $v > c$ как Эмпирей в «Божественной Комедии», Булгаков предназначает эту область только Мастеру и Маргарите. В этом заключается особенность мировоззрения Булгакова.

К области $v > c$ принадлежит и одна сцена в эпилоге. В ней Иван видит Пилата и Иешуа во сне, которые договорились, что казни Иешуа не было. Но ведь на самом деле казнь имела место в Ершалаимском плане романа – в 16-й главе. Возможно, объяснение здесь в том, что события Ершалаимского плана происходят на Земле, в области $v < c$, а в эпилоге имеет место $v > c$, при котором «следствие предшествует причине». Таковую обратную причинность, присущую сфере $v > c$, можно найти и в идее Флоренского о прощении грехов в «Столпе и утверждении истины»: «признаком действительности таинства покаяния служит уничтожение притягивающей силы прощенного греха: таинством истребляется прошлое».

Во сне Ивана появляются также Мастер и Маргарита. Они тоже находятся на Небе, $v > c$, потому что они как бы соглашаются с появлением Неба. Здесь отражается мысль Флоренского об осмыслении сна в работе «Иконостас», где анализируется сон как связь двух миров – действительного и мнимого. Если толковать сон Ивана как явление в «мнимом пространстве», становится понятно, почему Пилат, Иешуа, Мастер и Маргарита единодушно считают, что казни не было, тогда как один Иван не сразу согласился со странным явлением. По мнению Флоренского, мнимое, «для тех, кто вывернул чрез себя (...) и есть подлинно реальное».

Итак, в «Мастере и Маргарите» два эпизода – вечный приют и сон Ивана – относятся к $v > c$. Это означает, что первый происходит на Небе и описывает взгляд из небесного пространства, а второй – взгляд с Земли,

где спит Иван. Следовательно, область $v > c$ в романе изображается с двух сторон. Вслед за Флоренским Булгаков показывает, что сновидение является границей двух миров и через сон можно проникнуть из действительной сферы (земли) в мнимую (небо).

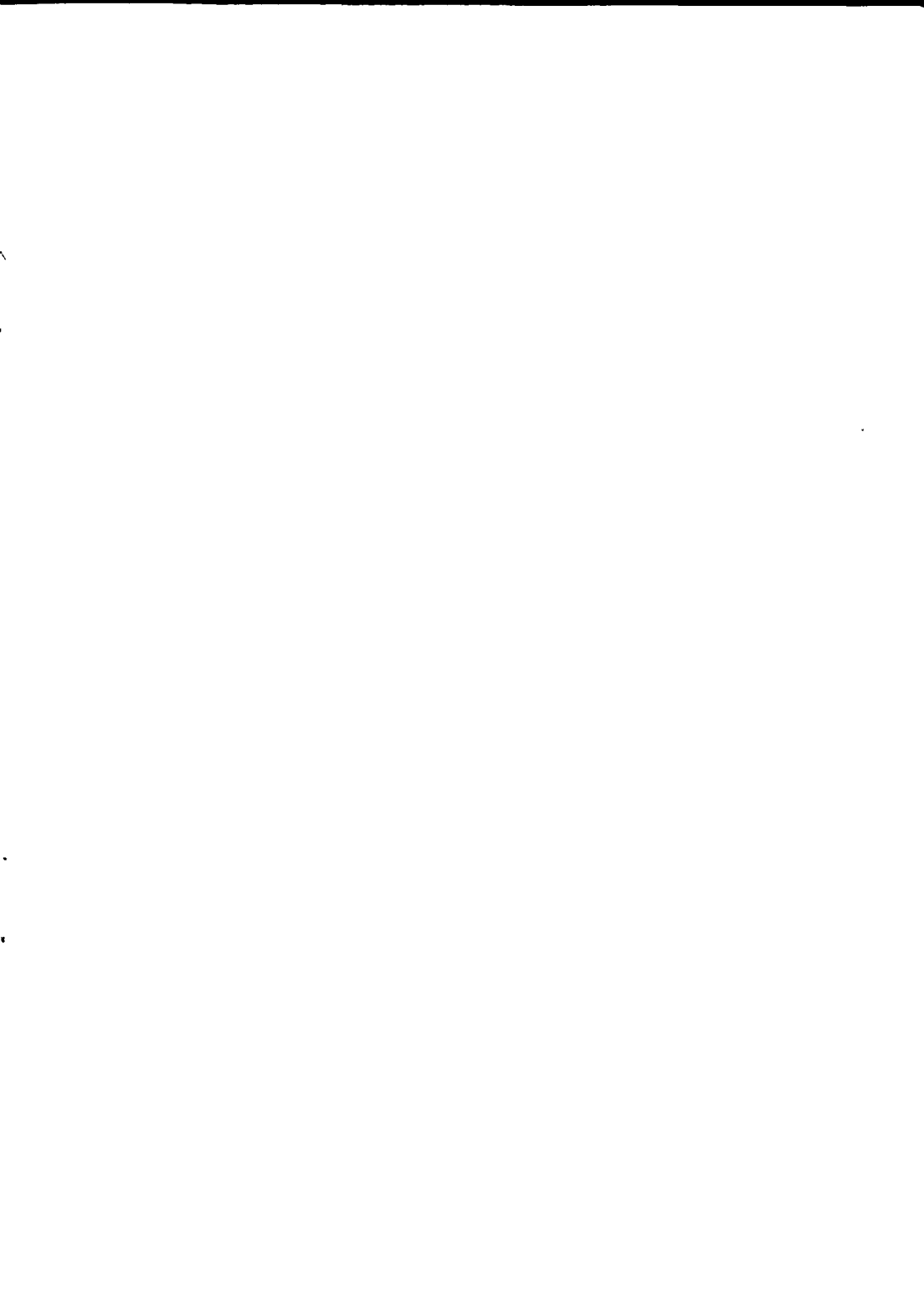
Отсюда очевидно и душевная эволюция Ивана, который, как и его учитель Мастер, видит мнимую сферу, где, по космологии Флоренского, существует обратная причинность. При этом в отличие от Мастера, прозревшего истину прошлого с точки зрения настоящего в рамках теории о двойном пространстве, во сне Иван видит небесную и мнимую сферу из земного пространства. Здесь, в развязке всего романа, Булгаков воплощает суть космологии Флоренского из «Мнимостей в геометрии».

В заключении подведены итоги исследования, даны общие выводы работы и намечены перспективы ее продолжения.

Список использованной литературы включает в себя источники, учтенные и изученные в диссертации, а также критическую и научную литературу.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Миропонимание в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Анализ романа с точки зрения космологии П. Флоренского // Бюллетень Японской ассоциации русистов. – № 34. – Токио: Японская ассоциация русистов, 2002. – С. 1–8. – [На японском языке с русским рефератом].
2. М. Булгаков и В. Соловьев. Отражение некоторых идей трактата «Смысл любви» в романе «Мастер и Маргарита» // Славяна. – № 20. – Токио: Токийский государственный университет иностранных языков, 2005. – С. 84–97. – [На русском языке].
3. Восприятие М. Булгакова в Японии // Филологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 186–192.

2006 A
20057

№ 2 0 0 5 7